

16+

Виктор Балдоржиев

Молнии во мгле!

Стихи 1984-1994 годов

Виктор Балдоржиев Молнии во мгле!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36069563

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1798-3

Аннотация

Всего за десять лет, от середины 1980-х до середины 1990-х, мы прошли путь от власти идеологии до власти хаоса. Хаотическая преступность позже сменилась преступностью централизованной. На этом отрезке времени и появлялись строки предлагаемого сборника. Получалась не поэзия, а история в строках...

Содержание

Молнии во мгле!	4
Поезда	5
Загнивают...	6
Рассвет	8
Лучшая любовь	9
Прерванные песни	11
Монолог старого дота	13
Весна на ферме	22
Любовь	23
Мой товарищ	26
Под скорлупой	27
Рассказ корреспондента телевидения о командировке в передовой район	28
Жернова	31
Улигеры	32
Осиротевший белый верблюжонок	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Молнии во мгле!

(1984-1994)

История в строках

Системной учёбы у меня не было, с имперской системой я не ладил. Вся моя жизнь – самообразование. Наверное, истина не доказывается, а показывается, диалог можно вести только на равных, только эмоционально-нравственный склад ума и души может охватить явления в целом, а рациональный ум делит целое на части, которые сразу же начинают враждовать между собой.

Но человек должен быть охвачен своим предназначением, а не чем-то иным, независимо от социального строя или политического режима.

Всего за десять лет, от середины 1980-х до середины 1990-х, мы прошли путь от власти идеологии до власти хаоса. Хаотическая преступность позже сменилась преступностью централизованной. На этом отрезке времени и появлялись строки предлагаемого сборника.

Получалась не поэзия, а история в строках...

Из ранних

(1984-1987)

Поезда

А нас все мчат куда-то поезда,
Инерций увлекательный разгон!
И едем мы, качаясь, сквозь года,
И домом общим служит нам вагон...

А за окном – проносится тайга,
Под нами – гнутся старые мосты,
Над нами – проплывают облака,
За нами – полустанки и мечты!

Но мчимся мы сегодня, как вчера,
На шпалах – пыль растраченных годов.
А впереди – Озонная Дыра -
Последняя стоянка поездов!

Но от надежд несбывшихся устав,
Ведем мы по инерции состав...

Загнивают...

Мне внушают: небоскребы
Угнетают в Штатах жизнь.
Только думаю: с чего бы
Там они так зажрались?

Вроде не с чего, беднягам,
Загнивают там и тут...
Вот бы их на наши блага,
Как они тут запоют?

Им, конечно, стало б легче
В нашем обществе свобод!
Может я антисоветчик,
Никудышний патриот?

Что ж, в тюрьму меня за это,
За советский ярый пыл?
Малевал я стенгазеты
И горнистом в школе был!

Только много разных версий
Про жестокость тех миров

А вот дядя мой, в Нью-Джерси,
Почему-то жив-здоров!

Не могу судить про Штаты,
Про Канаду, про Непал...
Но так в чем же виноватый,
Если я там не бывал?

Я – советский, современный,
Лучший в мире из людей!
Дали мне подарок ценный
И в конверте пять рублей!

Мы без всяких небоскребов
Можем запросто прожить.
Пусть гниют они в трущобах!
Нам так вовсе не загнить...

1984 г.

Рассвет

Петушинные кличи – не песни.
Тень наводят они на плетень.
В предрассветном густом поднебесье
Жаворонок приветствует день!

Как восторженно и вдохновенно
Он ликует! И трели звенят...
Но посредственно, хрипло и гневно
Петухи вслед ему голосят!

Что находит он в выси небесной?
На земле не рассеяна мгла.
Да посредственны лживые песни!
Вот такие у нас, брат, дела...

Лучшая любовь

«Ведь никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить?
Телогрейка женщину согреет,
Мужика поможет заменить!

Сыновья и дочери народа
Сексуальной жизнью мы живем!
На полях, на фермах и заводах
Лучше всех смеемся и поем!

Здесь всегда эротика желанна,
На просторах солнечной страны
Сексуальны – серая ушанка,
Сапоги и ватные штаны!..

В грациозном этом облаченье
На работу можно и в кино,
И с улыбкой томной со значеньям
Ломануться после на гумно!

И хрипя, сопя – от страсти млея,
Лапать грудь и юбки ворошить.

Ведь никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.

Прерванные песни

И гляжу – виноватый и грешный -
Степь родная, тебя не узнать!
Верблюжонок, смешной, белоснежный.
Не встречает верблюдицу-мать!
Ах, какие здесь песни звенели!
И цветы – первозданно цвели!
Что ж отары без них поредели.
И поникли без них ковыли?
Где же радуги краски живые.
Гнезда ласточек – вестниц весны.
Где же травы твои вековые.
Где ж пасутся без них табуны?

Но на черных полях неустанно
В клубах пыли гремят трактора.
И карьеры зияют, как раны.
Да недобрые дуют ветра!
По какому всесильному праву.
Что за праведники от земли
Бесшабашную эту расправу
Над тобой, моя степь, навели?
И иду я, кругом виноватый.

По коростам родимой земли.
И по волглому небу крылато
Надо мной не летят журавли!

И набегу мне снятся древние:
Растоптав загустевшую жизнь.
С гиком пьяным орды, кочевников.
Хищно схожих на нас, пронеслись...

Монолог старого дота

1

«Год за годом я все глубже ухожу
В Землю. Или Время меня предаёт
Забвению, как ненужный элемент
Отжившей и отстрадавшей свое Эпохи?
Вместе со мной уходят в небытие
Плещущие в гулких моих отсеках
Голоса. Звонкий смех токаря Иванова.
Добродушный бас колхозника Сидорова.
И срывающийся фальцет очкарика-филолога
Петрова. Мы отстрадали с лихвой за все
Грядущие эпохи вперед. Это я говорю
Вам точно – старый военный дот.
Долговременная. Огневая. Точка.
А на нас ведь продержались когда-то
Вся Россия и мир на этой грешной Земле.

Что там сегодня слагают ваши Поэты.
Мыслями растекаясь по дереву, и пытаюсь
Коснуться чувств сокровенных? А бывало -
Конопатый Иванов пел: «Тучи над городом

стали. В воздухе пахнет грозой. Далеко за Нарвской заставой парень идет молодой» молодой». И подмигивал при этом озорно. Добродушный Сидоров знал только: «Три Танкиста, три веселых друга». А Петров Корпел над стихами. Накатывало на него. И прятал от начальства важного очки и - Блокнот. Звали ребята его Профессором. Любили мальчишку-очкарика одногодки. Хоть и были его родители « «Врагами народа». Такие тогда гуляли слухи...

А иногда они замолкали надолго. И. Бесшумно открыв мои стальные люки. Всмотривались через амбразуры В светлое ромашковое поле. Прищурив Глаза, ловили в перекрестии прицелов Какую-то невидимую цель. А когда На маневрах долбили в мои бока Учебными болванками, то душа уходила В пятки у сержанта Иванова, над чем Добродушно подшучивал рядовой Сидоров. И от души возмущался интеллигентный Ефрейтор Петров. А Иванов посмеивался Над своими страхами. Но глаза его Странно темнели, смотря в амбразуру.

И пронзительная вокруг была тишина...

2

Лавиной на нас, дымя газойлем, накатывались танки. Ливнем сыпались бомбы. И лопались оглушительно. Ребята били Короткими. Мал был боезапас. И СВТ у них Клинили после третьей обоймы. На Парадах, конечно, были они хороши... А над русской равниной – шинельные Скатки, мельканье обмоток, да стальное Мерцанье штыков. Контратакуя, они Кричали «За Родину!» И еще за кого-то Монументального. Хрипло они выкрикивали Его короткое, как выстрел, холодное, как Железо Имя... Но справедливости ради Надо добавить: с именем этим им и Смерть была не страшна. На то – война!

Откуда на той высотке – бронеколпак?
Мазали наши «сорокопятки». а МГ поливал Свинцом. Вдруг на желтый пляшущий огонек. Извиваясь ужом, пополз с гранатами Иванов. У которого душа уходила в пятки... И когда он привстал (далекий!) в обзоре

Амбразуры, откуда смотрели его друзья.
Показался вдруг Иванов маленьким...
Пламень все продолжал содрогаться.
И пули косили бойцов на ромашковой
Равнине... Щупленький Иванов вдруг
Встал во весь рост. На мгновенье
Прикрыл я люки-глазницы. А когда очнулся
То раскатывались над равниной хриплые
Маты и рокочущее грозное – «Ур-рра-раа!»

И шинельные скатки, обмотки. Да холодные
Жала штыков. А в гулких моих отсеках
Рыдал, содрогаясь. Сидоров и неумело
Матерился очкарик Петров, припав
Небритой щекой к СВТ, которая клинила.
чёрт! после третьей обоймы. На бреющем
Выли самолеты со свастиками на брюхах...
«Сорокопятка» огрызалась остервенело.
А мы били короткими. По извилистой
Серой дороге катилось, подпрыгивая.
Тележное колесо. И ржали испуганно
Где-то артиллерийские битюги...
«Мессершмидт», не жалея боекомплекта.
Пикировал на одинокую женщину. И ветер
Железный трепал ее русые, пышные, волосы.

Шли, урча, на восток тягачи и машины.
Сторонясь моих амбразур. А ребята
Стреляли короткими. Но когда у нас
Кончился боезапас, немцы придвинулись
Вплотную и глазели, смеясь, в пустые
Глазницы мои... А в отсеке стонал
Раненый Петров, и готовил связки гранат
Добродушный рядовой Сидоров. И сказал
Он обычным своим хрипловатым голосом:
–Прощай, брат Вилор¹. -(Имя такое
странное было у юноши). А Петров
Нетерпеливо показал глазами на выход -
Идем же, пора! В гимнастерках просоленных
И окровавленных вышли они навстречу
Загомонившим врагам. И к солнцу...

А когда оккупанты, любопытствуя.
Подошли и окружили их, вдруг ахнул
Над русской равниной, качнув тишину, взрыв.
Смертельный и торжествующий! И тугое
Трепещущее эхо забилося в рыданье под
Куполом неба. И вздрогнули, сникнув.
Онемевшие плечи мои. Потом оккупанты
Подсчитали трупы. И долго смотрел
Офицер на круглые очки Петрова. И внезапно.

¹ ВИЛОР – Владимир Ильич Ленин. Октябрьская революция.

Втоптав сапогом их в землю, испуганно
Зашагал прочь... А немцам я был не
Нужен – амбразуры мои смотрели на
Запад, с востока же я не был защищен.
И недостроен с севера. Наверное, нас всех
Посчитали пропавшими без вести. Бывало!

3

Через два с половиной года полыхнули
Раскаты грома. По равнинным и вязким
Дорогам загромыхали, тяжело урча.
«Тридцатьчетверки». Запыленные и веселые
Ребята смотрели с их брони на меня.
И были они похожи на Иванова. Сидорова и
Петрова. Смеялись звонко, басили добродушно
И срывающимся фальцетом отдавали четко
Команды... Это я говорю вам точно -
Старый военный дот. Долговременная.
Огневая. Точка... Лавиной они на-
катывались на запад – Ивановы. Сидоровы
И Петровым. И по-прежнему твердо
Надеялись на них – вся Россия и этот
Обезумевший от страха мир...

Пахло в тот год дымком и хлебом.

Какие-то люди появились на пепелищах
Бывших деревень. А потом срубили избу.
На изуродованном немецком тягаче
Курносые парнишки тащили плуг.
Выворачивая жирные пласты земли.
А за ними ковыляли галки аспидные...
Женщины, упрямо клонясь к земле, тянули
Тяжелую борону... Белобрысый, чумазый
Мальчонка стоял на краю поля и ковырял
В носу пальцем. Ребятишки, дразня.
Называли его «Фрицем». А он, полу-
торагодовалый, косолапил по мягкой
Пашне и отчаянно орал: «Ма-аамка-аа!»
Пахло весной. Дымком и хлебом...

4

А теперь через годы все плещутся
Во мне голоса Иванова. Сидорова и
Петрова. Звонко смеется токарь Иванов.
Басит колхозник Сидоров и срывающимся
Фальцетом, необычайно серьезно.
Читает стихи Петров. С рассветом они
Исчезают. И я вздрагиваю, как от взрыва.
И все глубже ухожу в землю. И травы уже
Выше меня... Братья мои, такие же доты.

Стоят вдоль российских границ. И даже
Вал Чингисхана придавили они. Мы
Мазаны одним миром. Цемент и гравий
В нас смешаны водой из российских рек.
На городских и деревенских погостах
Покоятся наши строители. А время идет.

Но росистым жемчужным утром скрипят
Мои ржавые люки. И в гулких моих отсеках
Слышен топот ребячьих ног. Звонко они
Смеются. Балуюсь крадеными спичками.
Читают на стенах старые надписи.
И вдруг замолкают. Прищулив глаза.
Всматриваются в ромашковое поле.
Мысленно ловя в перекрестии прицелов
Какую-то цель. И очень они тогда похожи
На моих Иванова. Сидорова и Петрова...
Но, отогнав наваждения, неведомые им.
Они снова начинают играть, смеясь
В совсем невоенные игры. А потом усталые
И перемазанные, выходят они, отдуваясь.
Навстречу слепящему теплому солнцу...

А я все глубже ухожу в землю и скоро
Сровняюсь с ней. А может, так надо, может
Земля становится больше или Время

Забвению меня предает? Как ненужный
Элемент отстрадавшей свое Эпохи...
Наверное, так становимся мы фундаментом
Грядущего, когда отпадет необходимость
Делать людям то, что не свойственно
Человеку... И будут они смеяться искренне.
Работать от души. И мыслить. И, конечно.
Слагать правдивые песни и стихи...
Но росистым жемчужным утром, когда
На Земле тишина, будут иногда думать
О НИХ, отстрадавших с лихвою, погибших.
За все грядущие эпохи вперед...»

Весна на ферме

На ферме в желто-бурой глине
Гурт доходят и пять бычков!
Как пахнет травами с долины
После соломенных пайков!

Коровы – узницы госпланов -
Гремят цепями до утра...
Клубятся стылые туманы.
И дуют вольные ветра!

А на правлении про то же -
Про план, который все «растет».
И солнце красное, тревожась.
Над речкой вздыбленной встает.

Трещат багровые пожарища
Зловещим отблеском беды...
Но гулко вдруг дохнуло с пастбищ
Весенней вольностью воды.

Любовь

«Наглей комсомольской ячейки...»
(О. Мандельштам).

Устав от речей и маразма,
Я нежные чувства храню...
Без всякого смеха, сарказма,
Любовь вам раскрою свою.
Наглей комсомольской ячейки,
Наглей, чем правдивый партком,
Веселый, я шел в телогрейке
С конвойным – в веснушках ментом.
В вокзальной толпе проституток
Разгульный, задержан был я.
Пятнадцать ровнехоньких суток
Отмерил народный судья...
Народней народ год за годом,
Хотел он, наверно хотел он судить.
Но я не хотел быть народом,
Меня заставляли им быть!
А солнце сквозь тучи светило,
А травы цвели по весне...
Никто за меня не стыдился,

Но не было стыдно и мне!
С лучами сдружась золотыми,
Качались деревья, смеясь.
Я знал – между мною и ими
Есть явная, кровная, связь...

Как вождь завещал – на заводе
Кладу я кирпич на кирпич.
Хорошая нынче погода,
Хороший напарник мой – бич...
А что еще надо? Так вышло:
Рожденный в бездушной стране,
Стремясь быть и лучше, и выше,
До гроба прописан на дне.
Мой мент, белокрысый парниша,
Смотрел на меня свысока,
Хоть знал – он ни ниже, ни выше,
Такого, как я, – дурака...
Пусть разные мы на планете,
В одном; мы, конечно, равны:
Мы все здесь сироты и дети
Своей умерщвленной страны.
И я вас люблю беззаветно,
Любовью большой и большой,
Так любят бездомные дети
Наивной несчастной душой...

А детство, попробуй, убей-ка!
Люблю, бескорыстно притом,
Наглей комсомольской ячейки,
Наглей, чем правдивый партком.
Лишь только бы помнить, что с вами,
Как с дальней звездой, что искрясь,
Призывно мне светит ночами,
Есть явная, кровная, связь...

Мой товарищ

Так каких же чудес ожидал ты в пути,
Что за блага тебя искушали?
А теперь мы не можем друг друга найти,
И тебя – будто в рабство продали...

Так каких же ты благ в дни великих потерь
Ожидал от речей и ГУЛАГа,
И какому кумиру ты служишь теперь,
На какие надеешься блага?

Где сейчас, хитромудрый, плутаешь впотьмах,
И к каким ты прикован галерам?
Ожидая тебя, я стою на часах,
Мой товарищ... Без чести и веры...

Под скорлупой

Пусть друзья, втянувшись в скорлупу,
С опаской наблюдают за тобой.
Не вини в беде своей судьбу!
В беде познал ты дорогой ценой –
Какая гниль под белой скорлупой!

Рассказ корреспондента телевидения о командировке в передовой район

«Значит – репортаж. Чабанский только.

Пьем и выезжаем вчетвером.

И еще – который с «Комсомолки»,

С комсомольским рваненьким рублем.

Ехали по грейдеру и тракту.

(А похмелье жуткое у всех!)

Приезжаем: как, чего и как тут,

В чем секрет успеха, в чем успех?

Говорит хозяйка очень мило,

Что сейчас идет у них окот.

Режиссёрша юная, Людмила,

Стала все записывать в блокнот.

Говорит хозяин очень мило,

Что сейчас идет у них окот,

Режиссерша юная, Людмила,

Достает второй уже блокнот.

И сынок хозяйский, редька с хреном,

Тоже буркнул что-то про окот.
Глянул на Людмилины колени
И раззявил мокрый красный рот.

Тут овцу зарезали нам скоро,
И бутылки выставили в ряд.
Петька стал отщелкивать затвором,
Наводит германский аппарат.

Было все пристойно, по-советски,
Пили долго, Петька все снимал,
А потом всхрапнул он молодецки
И диван хозяйский обоссал...

Обоссал и ладно. Не украл ведь.
Хорошо, что молча отжурчал.
Комсомолец в курьём спал пуху весь,
Ни костюм, ни галстук не снимал.

В полночь вдруг хозяева вскочили,
Редька с хреном съездил за вином,
И смотрел на пьяную Людмилу
Красноглазым дерзким стрекозлом.

Провожали долго бедолаги,
Петька все хозяев обнимал.

Эх, да не захватить бы в овраги,

Эх, да сдать скорей материал...

Жернова

Мучительными вертим жерновами,
Кромсая догмы вдолбленных идей.
Наполнен воздух фразами, словами,
Когда-то живших на земле людей!
С трибуны нам втолковывают тексты,
Но где-то средь сонливой тишины
Мы видим протестующие жесты
И контуры неясные в тени...
Каков их путь за мыслью и за плугом?
В одной земле покоится их прах -
В могилах безымянных по-над Бугом,
В колымско-забайкальских лагерях...
Друзья-коллеги! Добренькие люди!
Заботливо следы их замели!
И мыслить разучив нас абсолютно,
На их костях трибуны возвели...

По мотивам старинных бурятских напевов
(1993 год)

Улигеры

Разгорается ночью огонь в очаге,
И старик начинает вести улигер...
А глаза у детей восхищенно горят,
И у смуглых мужчин загорается взгляд.
И девчата вздыхают. Старухи в тиши
Повторяют молитвы слова для души.
А над озером Бальзино светит луна,
К Алханаю волну погоняет волна.
И волнуется шумно Сосновая Рать,
Чтоб у Батор-горы вновь дозором стоять.
И Чингисова Чаша полна, как всегда,
И на волнах Она сверткает звезда!

Темной ночью мерцает огонь в очаге,
И старик продолжает вести улигер...

Осиротевший белый верблюжонок

Осиротевший белый верблюжонок

На далеком горном перевале.

Осиротевший белый верблюжонок

На тропе траву найдут едва ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.